

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
Трибуна молодого ученого**

Выпуск 11

Издательство Томского университета
2011

прав сексуальных меньшинств¹, свободы религии² и др.). Такие «реформаторские» решения редко остаются незамеченными, они способны вызвать бурную общественную реакцию, нередко – их неприятие гражданами, массовые акции протеста³. Практике также известны случаи санкционированного неисполнения государством актов Суда со ссылкой на то, что это является «единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов»⁴.

Таким образом, «конвенционное обновление» далеко не всегда проходит «безболезненно» как для ЕСПЧ в целом, так и для стран – участников Совета Европы. Перед Судом стоит крайне сложная и ответственная задача: с одной стороны, вынести беспристрастное, разумное, аргументированное решение, а также максимально полно и корректно истолковать норму, сколь разительно ни отличались бы позиции Суда от привычной практики государства. С другой стороны, ЕСПЧ надлежит неукоснительно соблюдать принципы верховенства государственного суверенитета и subsidiarity защиты ЕСПЧ.

Анализ судебной практики ЕСПЧ позволяет сделать вывод, что на настоящий момент Суд достаточно успешно использует предусмотренные Конвенцией и Протоколами механизмы воздействия⁵ на правовую систему и, как следствие, общественную жизнь государств – участников Совета Европы. Правовые позиции ЕСПЧ, а также требования, зафиксированные в его решениях, безусловно, играют прогрессивную роль, если надлежащим образом и в полном объеме исполняются адресатами.

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

А.А. Томаев, студент НЮИ (ф) ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Ж.В. Нечаева

Вопрос ядерных разработок и разоружения в современном обществе всегда был актуальным. Однако сейчас более остро встает вопрос об Иранской ядерной программе, осуждаемой, порой необоснованно, большинством стран Запада.

Имеет ли Иран право на мирную программу ядерных исследований и применение невоенных атомных технологий? В ст. II Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее ДНЯО) сказано, что каждое государство, не обладающее

настоящий момент остается неизменной.

¹ Неоднозначную реакцию общества вызвало, например, решение по иску лидера GayRussia. Ru «Алексеев против России» 21 октября 2010 г., в котором Суд признал незаконными отказы местных властей на проведение гей-парадов в Москве.

² Одним из последних «громких» постановлений стала отмена Большой Палатой решения по иску «Соиле Лаутси против Италии» 2009 г. В новом решении 21 марта 2011 г. Суд постановил, что наличие католических распятий в итальянских школах не является пропагандой католицизма и признаком дискриминации иных религий.

³ См., напр., дело «Алексеев против России» 21 октября 2010 г., «Маркин против России» 7 октября 2010 г.

⁴ Речь идет о реакции ФКС Германии на решение ЕСПЧ по делу «Гёргулю против Германии», вынесенное в 2004 г. (Следует отметить, однако, что впоследствии решение ЕСПЧ было исполнено Германией.)

⁵ В качестве одного из новых методов можно назвать «пилотные решения», в которых Суд прямо предписывает государству-ответчику внести изменения в национальное законодательство для устранения первопричины нарушения конвенционных прав заявителя. (Фактически первым таким решением против РФ стало постановление по делу Буркова от 15 января 2009 г.)

ядерным оружием, не вправе его создавать, принимать от кого-либо или приобретать каким бы то ни было иным путем¹. Однако в преамбуле и в ст. III этого же договора указывается, что «гарантии осуществляются таким образом, чтобы избежать создания препятствий для экономического и технологического развития участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности»². Следовательно, на основании ДНЯО 1968 г. Иран имеет полное право на деятельность в области атомной энергетики.

Вместе с тем существуют препятствия на пути реализации программы. Страны Запада, и в первую очередь США и Израиль, выступают за жесткие санкции в отношении Ирана, мотивируя свои действия утверждением о военном характере иранской программы. Однако ни одно официальное лицо Ирана никогда не заявляло о военной направленности атомной программы, а свидетельством обратного может служить, например, высказывание на этот счет Махмуда Ахмадинежада в выступлении на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это подтверждает и интервью некоторых представителей руководства МАГАТЭ. Мало того, такие действия западных стран противоречат преамбуле ДНЯО 1968 г., в которой сказано что страны – участницы договора должны содействовать друг другу в освоении новых технологий, связанных с использованием мирного атома³.

Далее, имеет ли право Иран на военную ядерную программу и обоснованно ли это с точки зрения международной и собственно иранской безопасности? В соответствии со ст. II ДНЯО 1968 г., Иран не имеет право на обладание собственным ядерным оружием. Этим правом обладают, в соответствии с ДНЯО, только страны, которые обладали им в 1968 г. Это пять стран: СССР (Россия), США, Великобритания, Франция, Китай. Включить иные страны, овладевшие ядерным оружием после 1968 г., невозможно. На сегодняшний момент атомным оружием обладают также Пакистан, Индия, КНДР, Израиль. Три государства — [Индия](#), [Пакистан](#) и [Израиль](#) — отказались подписать Договор. Полагаем, эта ситуация угрожает мировой безопасности.

В связи с этим справедливо следующее высказывание: «Пока на сегодняшний день мы имеем одну очевидность: договор, когда-то призванный обеспечить международную ядерную безопасность, стал для нее препятствием»⁴. ДНЯО изжил себя. Иран в современных политических условиях вправе иметь ядерное вооружение. Что касается запрета ДНЯО, то согласно его ст. X из договора может выйти любой участник, уведомив других участников за 3 месяца до выхода⁵.

В итоге мы можем констатировать, что Иран имеет полное право с точки зрения международного права на осуществление мирной ядерной программы. В целях обеспечения собственной безопасности Иран может иметь собственную военную атомную программу. Однако современное международное право препятствует его инте-

¹ Приведенный текст договора соответствует опубликованному в книге Р.М. Тимербаева «Россия и ядерное распространение 1945-1968». М.: Наука, 1999. С. 354-359

² Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/npt.htm>

³ Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/npt.htm>

⁴ Саяпин М. Ядерный апартеид // Русский журнал: Обзоры. URL: www.russ.ru/culture/20050211_sayp.html

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/npt.htm>

ресам. Имеются два выхода из данной ситуации. Первый – официальный выход из ДНЯО. Второй – замена ДНЯО более адекватным современности документом.

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

В.А. Тиникова, студентка ЮИ ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.М. Барнашов

В науке имеется два основных подхода к определению предмета международного инвестиционного права (далее – МИП):

1. МИП – подотрасль международного экономического права (далее – МЭП), регулирующая отношения государств в сфере инвестиций.

2. МИП – комплексная отрасль, состоящая из международно-правовых и национально-правовых норм, регламентирующих отношения между различными участниками инвестиционной деятельности на территории чужого государства¹. Данная отрасль выделяется И.З. Фархутдиновым в системе международного публичного права (далее – МП) и в системе международного частного права². В основе подхода лежит утверждение, что в условиях расширения нормативной системы МП его нормы регулируют не только межгосударственные отношения, но и регламентируют статус и деятельность и юридических лиц в соответствии с общими интересами государств³. Этот подход является проявлением современной тенденции к выделению новых отраслей в МП. Если следовать данному подходу, то отдельные группы отношений будут искусственно «вырываться» из предмета регулирования МЭП. Согласно общепринятому сегодня мнению, предметом МЭП являются взаимопереплетенные и взаимосвязанные международные экономические отношения, которые включают в себя торговые, экономические, научно-технические отношения между государствами. Отношения, регулируемые отраслью права, должны обладать качественной однородностью, иначе можно без конца выделять все новые и новые отрасли в системе права. Данное утверждение применимо как к праву внутригосударственному, так и к международному.

По нашему мнению, МИП представляет собой подотрасль в рамках существующей отрасли современного МП – международного экономического права. Придерживаясь устоявшегося теоретического воззрения о МП как системе правовых норм, регулирующих межгосударственные властные отношения, считаем, что МИП регулирует отношения между государствами по поводу транснационального движения капиталовложений, по вопросам инвестиционного сотрудничества, установления правового режима для деятельности частных лиц в рамках внутреннего права государства. В обоснование нашей позиции могут быть положены следующие аргументы.

¹ Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 59; Он же. Иностранные инвестиции как фактор глобализации мирового хозяйства (правовые аспекты) // Юридический мир. 2003. №12. С. 16-21.

² Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения. С. 55.

³ Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. 3-е изд. М.: Норма, 2006. С. 12.